

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
НА РЕКЕ АНГАРЕ

РИСУНКИ
И.БАГИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
т. о с к в а • х 9 8 з

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2013г.

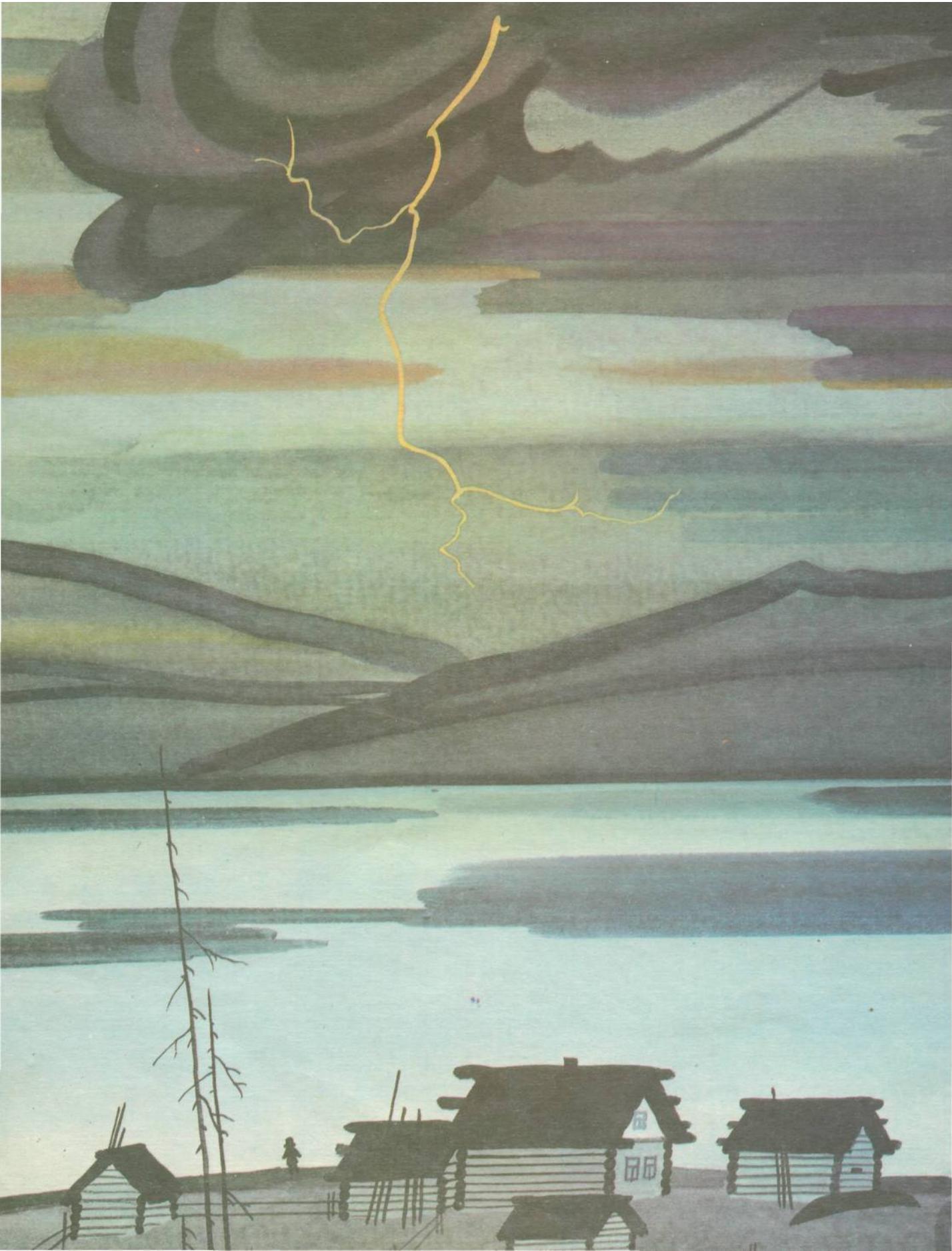

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мальчику исполнилось шесть лет, и не просто исполнилось, а именно в этот день — Первого мая. Ледоход обычно тоже приходился на конец апреля — начало мая. Ему, мальчишке, мало было того, что его день рождения столь удачно совпал с праздником, ему ещё хотелось, чтобы к этому дню обязательно тронулся лёд на Ангаре.

С раннего утра Первого мая он сидел на берегу, вглядываясь в посиневший, вспучившийся лёд. Никогда ещё не приходилось ему видеть первый, решающий толчок, который срывал лёд с места, и теперь он ждал его с нетерпеливым вниманием, больше всего на свете боясь, что день кончится раньше. Где-то в деревне пели, ярко светило солнце, с низовий даже и не дул, а легонько плыл над рекой мягкий, ровный ветерок, донося откуда-то свежий и прохладный вербный запах только что освободившейся воды. Река беспокойно возилась, покачивалась, вздыхала. Порой изнутри доходил глухой, утробный шум, затем раздавался быстрый и сильный, как выстрел, треск, и по льду вспыхивали трещины. Вот-вот всё это должно было сорваться с места, закружиться, зашуметь, поплыть, но стояло. Держалось какими-то силами, цеплялось за что-то, упиралось, но никуда не двигалось. Весь день он прождал понапрасну, вечером его с трудом увели домой.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Среди ночи он проснулся от неясного, дальнего гула, который то затихал, то вдруг возникал снова. В другой раз шестилетний мальчишка наверняка тут же спрятался бы от него с головой под одеяло и постарался скорей уснуть, но теперь последняя надежда заставила его пересилить страх и подняться с постели. Следуя какой-то посторонней властной силе, он ошупью добрался до двери, неслышно приоткрыл её и выскользнул на улицу. И небо, и земля были затянuty сплошной, кромешной теменью, сквозь которую ничто нигде не проступало, но дорогу к реке он знал и с закрытыми глазами. Смешно и неловко подпрыгивая, боясь налететь на забор, но ещё больше боясь идти шагом, он бросился на берег.

Здесь было светлее. Ото льда поднималось слабое серое мерцание. И в нём он легко рассмотрел, что река как стояла, так и стоит. Ничего в ней с вечера не изменилось. Она даже как бы успокоилась, притихла.

Где-то далеко в тайге зарокотало, набрало силу и покатилося, покатилося прямо на деревню, грозя раздавить и смять её, и, только чуть-чуть не докатившись, развалилось. Надвигалась гроза. То, что он принял за шум реки, было громом небесным, первым в ту весну, родившимся неожиданно и поначалу негромко. Вспыхнул и тут же погас короткий свет молнии, и снова направился гром, выпрямляясь в своём движении над рекой, и снова застрял неподалёку от деревни.

Небо теперь было могучее и страшное. По краям, сливаясь с землёй, оно уходило в бесконечную темь, сверху нависало огромной беспокойной тяжестью. В нагромождении туч, двигаясь и меняясь, зловещей синевой пылали какие-то полосы и пятна. В промежутках между ударами грома, когда наступала тишина, с высоты доносился невнятный, едва уловимый шум — не то шуршание туч, не то приглушённый свист ветра.

Гром гулял уже над самой деревней. Он начинался неохотно, лениво, словно не зная, стоит или не стоит греметь, но, растравив себя ворчанием, вдруг делал мгновенный и яростный прыжок в сторону и тяжело, натужно лопался, взрывался, разбрасывая вокруг множество гремящих осколков. Не успевал отшуметь один раскат, возникал другой.

Гроза, добиваясь дождя, всё накалялась и накалялась. Небо из совершенно чёрного, непроглядного стало тёмно-багровым и выделилось чётче. Гром бил размеренно и зло, без той сдержанности и игривости, что были вначале, он взрывался сразу и, не ослабляя, гнал этот взрыв, покуда где-нибудь в другой стороне не вспыхивал новый. Всё вокруг было заполнено только грохотом, подстёгиваемым частыми взмахами молний, всё сжималось и трепетало перед ним, а ему уже не хватало пространства, он задыхался от ярости...— вот-вот должно было произойти что-то и совсем уж страшное.

ЛЁД ИДЁТ!

И оно произошло. Молния хлестнула, как обычно, тонким, длинным росчерком, но не погасла, а вдруг, словно запутавшись, закружилась, заплясала и разошлась широким концом, обнажив жуткий голубой огонь. Бешеной, небывалой силы грохот сразу же охватил всё небо, раздирая на части,— оно треснуло и обвалилось.

Мальчишка закричал и упал, не смог устоять, но сразу же опять вскочил на ноги. Он услышал, хотя не в состоянии был ни слышать и ни видеть, каким-то чудом он услышал, как звук раздираемого неба слабей и легче, но тот, тот самый звук повторился где-то неподалёку от него. В

неожиданно-радостном предчувствии он вскинул голову и увидел, как, ломая лёд, выносит середину реки. Её только-только сорвало, её полоса была совсем неширокой.

И сразу же упал дождь. Гроза стала быстро отходить, молния взблескивала лишь в одной стороне, на самом краю неба, туда же, совсем присмирив, переместился гром. Небо потемнело и притихло. Из него сыпал дождь.

...Ещё несло льдины, лёд лежал на берегах, а ребята уже забрасывали в мутную зеленоватую воду перемёты. Вскрывшаяся река была полной и нетерпеливо-быстрой; от её открытого, свободного движения вокруг

становилось сразу просторней и выше; в звонком и легком воздухе со свистом проносились стрижи, снижаясь и чиркая о воду белыми брюшками; звучала капель из нависших над каменишником тяжёлых ледяных козырьков; весело и широко играло солнце. Было какое-то особое — чуткое и тайное счастье в том, чтобы, чуть приподняв нитку перемёта над водой, слушать, как тыкает рыба наживку; в волнующем ожидании замирало сердце, и весь огромный мир сходил в одну эту тонкую нитку, по которой передавались толчки.

Скоро река выправлялась, освободившись от всего лишнего, чужого, снесённого в неё с гор шалыми весенними речками и ручьями; вода в ней становилась тёмно-голубой, прозрачной, так что далеко было видно дно; течение натягивалось, находило свою неторопливую, спокойно-быструю силу, которую могло сбить только долгое ненастье.

НА ТЕПЛОХОДЕ

В своё первое путешествие мальчик тоже отправился по реке... За окном теплохода, за неширокой полосой воды, всё скользил и скользил берег, за кормой удивлённо и неохотно вскипала вода и, подобравшись, катила на две стороны волны. Берег часто менялся: то низкий, ярко-зелёный, на свежей зелени пасутся коровы, то за поворотом сразу яр, наверху постройки, вниз, к воде и лодкам, ведут ступеньки, возле лодок прыгают, что-то кричат и машут руками ребятишки, возле домов, прикрываясь от солнца ладошками, стоят взрослые.

Вот и солнце ушло, на берега легла сплошная густая тень, и только у самой воды, узкой полоской желтел каменишник. Горы вдали, молчаливые и низко сгорбленные, заволакивало серой, едва уловимой дымкой. Кое-где уже пробивались огоньки, но, помигав, пропадали, растворялись в неверном и зыбком свете сумерек. Небо казалось подтаявшим, размытым, звёзды на нём ещё не проклюнулись, горизонт мягко и невидно сливался с землёй. Мерно и приглушённо шумела за бортом вода, да от катившейся по камням волны долетало осторожное и ленивое журчание.

Мимо, совсем близко, прошумел остров, высокий и закруглённый, как баржа. Как хорошо теперь на островах, где поднимаются мягкие и нежные, будто мех, травы и особенно ярко и щедро цветут цветы. От ветров гнутся в одну сторону деревья, но стоят крепко, кряжисто, широко раскинув цепкие и тугие корни. Возле воды заросли ольхи и тальника, а дальше ягодник — больше всего смородины. И всегда на острове возникает удивительное -- обманчивое и одновременно верное ощущение движения, словно ты на корабле, на пароходе, плывущем медленно и важно. Знаешь, что стоишь на твёрдой земле, но под ногами, передвигаясь, мелко подрагивает, поворачивает то влево, то вправо, и ты уже не в состоянии сопротивляться плы-

вещь куда-то осторожно и загадочно.

Ночь на реке. Звёзды, ещё не назрев, были по-весеннему далёкими и мелкими. Зато луна, круглая и полная, висела под небом совсем низко и празднично. В её серебристом свете всё вокруг лежало в блаженном оцепенении, и только река, в глубине которой отражалось ночное небо, сверху отсвечивала зелёным надменным сиянием.

С неба сорвалась звезда и, прочертив горящую линию, погасла. И тут же невесть с чего, как спросонья, коротко и жалобно хныкнул гудок теплохода. В отходящей к берегу волне, удлиняясь в свечки, играли звёзды. Встречный ветер, треплющий освещенный прожектором флаг теплохода, дул поверху и не тревожил речную гладь. Изредка сбоку возникали жёлтые или красные огни бакенов, возле них шумела вода.

Широко и ярко гуляла над землёй ясная майская ночь, но на востоке, там, где заниматься заре, начинал слабеть край неба. Шёл новый день...

ЗА РЕКОЙ

Летом они всей семьёй уплывали за реку на сенокос, брали там ягоды, потом грибы. Мальчик выпрашивал себе у бакенщика два ближних к сенокосному наделу бакена, по вечерам зажигал их, по утрам гасил, научился не хуже взрослых подниматься в лодке на шесте, управляться с одноручным веслом. Ему доставляло неустанное, бесконечное удовольствие бывать на реке, заглядывать в её жуткую, заманчивую глубину, в сильный вал, испытывая своё счастье, сталкивать лодку и грести от берега, всё дальше и дальше, взлетая и проваливаясь в волнах, а затем, удачно вернувшись, считать себя победителем и думать, что река после этого сразу стала спокойней.

В ЛОДКЕ

В тёмные осенние ночи дедушка брал мальчика с собой лучить. В носу лодки ярко и бойко горело смольё. Дедушка, широко расставив ноги и терпеливо вглядываясь в воду, стоял подле огня с наготовленной острогой, а он, сидя в корме, бесшумно правил веслом. Река устало и глухо сносила их вниз. В тяжёлом металлическом цвете воды слабо поблёскивал опавший лист. Лопались и меркли пузырьки. Где-нибудь посреди реки невесть с чего в спокойную погоду долго держалась на одном месте длинная полоса зыби, мерцающая непонятым волнением, которая затем так же неожиданно, как и появлялась, исчезала. Было сыро и зябко, огонь лишь дразнил недостающим теплом, но было и тревожно-сладостно, необыкновенно на душе от проплывающих в строгом молчании склонённых с берега кустов, от таинственных всплесков, возникающих то здесь, то там, от дальнего крика ночной птицы, от сказочной пляски огня, на который где-то мчится и никак не может остановиться ошалевшая от его сияния рыбина.

Тайга никогда не волновала и не пыталась мальчика так, как река. Тайга оставалась и должна была оставаться на месте, между тем как река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому станут бегать собаки. По утрам, боясь признаться в этом даже самому себе, он осторожно шёл проверить, не случилось ли что-нибудь с рекой, и не понимал, почему это больше никого не тревожит, почему все спокойны, что река и завтра будет течь так же, как текла вчера и позавчера.

Потом взрослые люди объяснили ему, что его река особенная, не похожая на обычные реки, которые начинаются с маленьких ручейков, а затем, набирая воду, принимая на себя всё новые и новые притоки, становятся широкими и полноводными, такими, какие они есть. Его же река вытекает из огромного озера, даже моря, из знаменитого Байкала, богаче и красивей которого во всём мире ничего нет. В Байкал впадают 336 больших и маленьких рек, а выносит эту воду одна Ангара. Поэтому она не может кончиться, объяснили мальчику. Он представил себе 336 рек и свою реку, с восхищением подумал о её силе и успокоился. Нет, его река, не похожая на все другие реки, самая замечательная в свете река, высохнуть и умереть не может.

Он был ещё мальчик и других опасностей для реки не знал.

